

0632

HARLEQUIN®

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

Кейтлин Крюс

**ПОВТОРИМ
НАШУ ВСТРЕЧУ**

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Кейтлин Крюс

Повторим нашу встречу

«Центрполиграф»

2015

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Крюс К.

Повторим нашу встречу / К. Крюс — «Центрполиграф»,
2015 — (Любовный роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-06823-1

Джанкарло Алесси всей душой ненавидит свою бывшую любовницу Пейдж Филдинг, которая предала его десять лет назад и исчезла. Каково же было его удивление, когда он узнал, что именно эта женщина сейчас работает личным помощником его матери – известной актрисы. Им овладело желание мщения. Но вместе с этим в нем вновь проснулась былая неукротимая страсть к Пейдж. Что одержит верх: стремление поквитаться с ней или... любовь?

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-06823-1

© Крюс К., 2015

© Центрполиграф, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Кейтлин Крюс

Повторим нашу встречу

At the Count's Bidding © 2015 by Caitlin Crews

«Повторим нашу встречу» © «Центрполиграф», 2016

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2016

Глава 1

– У меня, наверное, галлюцинации.

Пейдж Филдинг не слышала этого голоса долгие десять лет. Он окутал ее своей бархатностью и в то же время пронзил в самое сердце, заставив позабыть обо всем на свете: о знойном южнокалифорнийском полудне, об электронном письме, которое она печатала, даже о том, какой сегодня был год и день. В мгновение ока Пейдж возвратилась в темное прошлое, полное боли.

Голос настоящего альфа-самца. Его голос. Все столь же властный итальянский акцент, от которого ее тут же бросило в жар. Он раздался позади нее, отчего Пейдж сразу съежилась и внутренне напряглась. Она развернулась в кресле, зная прекрасно, кого она увидит в арочном проеме, ведущем в шикарный особняк на Голливудских холмах, именуемый *La Bellissima* в честь владелицы, легенды киноэкрана Вайлет Сазерлин.

Джанкарло Алесси. Единственный мужчина, которого она когда-то любила. Единственный мужчина, который заставлял ее кричать от наслаждения и стогать от вожделения. Единственный мужчина, мысли о котором по-прежнему преследовали ее.

Однажды Пейдж предала его, коварно и подло. Ей стало дурно при воспоминании о том, что она натворила тогда.

– Я могу все объяснить, – взволнованно произнесла она.

Пейдж вскочила из-за стола, за которым всего минуту назад занималась своей работой, греясь в солнечных лучах. Но ноги еле держали ее. Как и десять лет назад, она утопала в безжалостном мраке его глаз.

– Можешь объясниться с охраной, – сквозь зубы процедил Джанкарло. Каждое слово звучало словно хлесткая пощечина. – Мне плевать, что ты здесь делаешь, Никола. Но я хочу, чтобы ты немедленно исчезла.

Упоминание этого имени, которым ее никто не называл с того дня, когда они расстались, заставило ее поморщиться. Слышать его вновь из уст Джанкарло было для нее невыносимо, это причиняло ей чуть ли не физическую боль.

– Я не... – Пейдж не знала, что сказать.

Как объяснить все, что случилось после того рокового дня десять лет назад, когда она предала его и погубила их обоих? Да и что тут скажешь? Пейдж так и не открыла ему всей правды, потому что не хотела, чтобы он знал о том, к какому грязному и скверному кругу людей она принадлежит. Их любовная связь началась так стремительно, страсть поглотила их полностью на целых два месяца. Они практически не знали друг друга.

– У меня теперь другое имя.

Джанкарло застыл на пороге. Изумление охватило его, и тут же вся сила этой эмоции обрушилась на Пейдж, словно снежная лавина. Ее сердце сжалось от невыносимой боли.

– Я никогда... – Глаза Пейдж горели от еле сдерживаемых слез. Ей повезло, что Джанкарло вообще разговаривал с ней, а не приказал охране вышвырнуть ее из особняка. – Теперь меня зовут Пейдж. Это мое среднее имя...

– Забавно. Так же зовут личного помощника моей матери... – Голос Джанкарло зловеще стих, и необходимость в каких-либо объяснениях отпала. Он уже все понял. – Но такое совпадение просто невозможно. Пожалуйста, убеди меня, что ты просто неприятное напоминание о моем темном прошлом, а не человек, который посмел приблизиться к моей семье. И тогда, возможно, я позволю тебе просто уйти и не вызову полицию.

Раньше бы Пейдж подумала, что он просто блефует. Прежний Джанкарло никогда бы такого не сделал. Но сейчас перед ней стоял совершенно другой мужчина. Этот Джанкарло

исполнит свою угрозу. Таким он стал из-за нее, и Пейдж некого было винить в этом, кроме себя самой.

– Да, – дрожащим, почти испуганным голосом сказала Пейдж. – Я работаю с Вайлет вот уже три года, но ты должен мне поверить, что я никогда...

– *Stai zitto.*

Джанкарло резко взмахнул рукой, и Пейдж, даже не зная итальянского, сразу поняла его грозный приказ замолчать. Что еще ей оставалось делать? Ничего, кроме как с опаской наблюдать за ним, как будто в любой момент Джанкарло мог броситься к ней и начать душить.

Пейдж знала, что заслуживает гнева Джанкарло. Рано или поздно этот день должен был наступить. Теперь тихая, спокойная жизнь, созданная ею по счастливому стечению обстоятельств, разрушится с появлением Джанкарло, который являлся единственным сыном Вайлет и итальянского графа.

Разве все могло закончиться как-то по-другому? Ее судьба была предрешена с того момента, как она прошла собеседование, ответив с легкостью на все вопросы менеджера актрисы. Пейдж много узнала о жизни матери Джанкарло во время их скоротечного романа. Именно так ей досталась эта работа.

Пейдж так долго проработала с Вайлет, что ей начинало казаться, будто ей уже ничего не грозит. Что Джанкарло навсегда останется в Европе среди гор Тосканы, где строился его элитный отель. Именно здесь он нашел прибежище после того, как по ее вине во всех таблоидах мира появились эти омерзительные снимки.

Теперь, когда Джанкарло находился здесь, спокойствие покинуло Пейдж, но она не могла оторвать глаз от него, вспоминая, что потеряла и разрушила собственными руками.

В этом особняке почти в каждой комнате висели фотографии сына хозяйки. Достаточно взглянуть лишь раз на него, всегда мрачного и безукоризненно элегантного, чтобы понять, что он не американец. Даже десять лет назад, несмотря на то что он так долго прожил в Лос-Анджелесе, он был похож на потомка европейских голубых кровей. Его манера держаться всегда отличалась предельной отстраненностью и холодностью, а его аристократическое красивое лицо напоминало прекрасных богов Древнего Рима.

Джанкарло не составляло никакого труда завладеть безраздельным вниманием кого бы то ни было, куда бы ни ступала его нога. Он приковывал к себе взгляды окружающих отчасти благодаря одежде, которая сидела на нем идеально. Его фигура, стройная и мускулистая, источала силу и чувственность.

Джанкарло излучал ауру настоящего самца. У Пейдж пересохло в горле от флюидов, исходивших от него. Спустя столько времени сопротивляться ему стало еще сложнее. Он по-прежнему стоял в дверном проеме, одетый с иголки в темные брюки, ботинки и куртку, которая придавала ему вид дерзкого мотоциклиста, готового увезти понравившуюся ему девушку на край света. В то же время казалось, будто в подобном костюме он может спокойно пойти на прием для сливок общества или забраться в постель для того, чтобы провести там незабываемые выходные, посвятив себя без остатка плотским утехам.

Но Пейдж не стоило сейчас об этом думать. Она по-прежнему готова была ему отдаться, будто с момента их последнего прикосновения прошло всего десять минут. Ее тело, как и прежде, изнывало от желания.

Джанкарло сжал чувственные губы, и Пейдж мысленного поблагодарила Бога за то, что он до сих пор не снял солнцезащитные очки. Ее страшили его бездонные глаза. Ей вспомнилась их последняя встреча: он пришел к дому, в котором Пейдж тогда жила, сжимая в руке фотографии, и молча протянул их, наконец осознав, что она натворила. В тот момент, когда Джанкарло открылось ее истинное лицо, в его взгляде блеснула лютая злость.

«Возьми себя в руки», – раздраженно приказала себе Пейдж. Что было, того не вернешь. И ничего исправить уже нельзя».

– Мне жаль, – успела произнести Пейдж, пока он снова не заставил ее замолчать. Пока она еще не утонула в слезах, которые польются рекой, стоит только ей остаться в одиночестве. Пока ее не захлестнула горечь невосполнимой потери. – Джанкарло, мне так жаль.

Он отшатнулся, будто получил пощечину.

– Мне плевать, почему ты здесь. – Резкость его голоса пронзила Пейдж, словно острый клинок. – Мне плевать, в какую игру ты играешь. У тебя есть пять минут, чтобы покинуть эти владения.

Но Пейдж не понимала его слов. Все, что она слышала, – это гнев и ярость, которые обжигали ее, как раскаленное железо. Но не страх завладел ей, а радость? Он до сих пор к ней не равнодушен!

– Если ты не сделаешь этого сама, – Джанкарло сделал зловещую паузу, – то я с превеликим удовольствием выброшу тебя отсюда собственноручно.

– Джанкарло... – начала Пейдж, пытаюсь говорить спокойно, хотя ее руки нервно подрагивали, скользя по блузке и шелковой юбке. Она не видела его глаз, но чувствовала его взгляд на своих губах, ногах, на всех тех частях тела, которые он когда-то боготворил.

Но Джанкарло снова прервал ее.

– Ты можешь называть меня граф Алесси в течение следующих четырех минут, которые будут тебе отведены, прежде чем я выставлю тебя отсюда. Я не знаю, в какую игру ты играешь, но если ты осознаешь серьезность моих угроз, то я бы на твоём месте не открывал рта.

– Я не играю ни в какие игры. Я не... – Ее голос резко стих. Пейдж не знала, что сказать человеку, у которого не было ни малейшего желания ее слушать. Почему она не подготовилась к этой встрече? – Я знаю, что тебе и дела нет до моих объяснений, но все не так, как тебе кажется. Вернее, не совсем так.

Джанкарло поджал губы и сорвал солнцезащитные очки. Его мрачные горящие глаза источали обжигающую ярость, которую он даже не пытался скрывать.

Под натиском этого взгляда Пейдж отчаянно захотелось сесть: у нее начали дрожать колени, она готова была разрыдаться – безудержно и надрывно, до тошноты и головокружения – так, как это было десять лет назад. Всепоглощающий мрак пожирал ее изнутри.

– Что ж, просвети меня, – предложил Джанкарло. За его бархатным тоном скрывалась опасность. – Что именно не так, как мне кажется? То, что по твоей милости нас сфотографировали в тот момент, когда мы с тобой занимались сексом? Хотя я очень четко дал тебе понять, как сильно ненавижу вторжение папарацци в мою личную жизнь после стольких лет, проведенных под объективом камер из-за звездного статуса моей матери? Или то, что ты продала эти снимки таблоидам? – Джанкарло сделал шаг к Пейдж, крепко сжав руки в кулаки. Ее разрывало на части: хотелось бежать от него сломя голову и в то же время броситься к нему. Джанкарло погубит ее, не прилагая к этому особых усилий, потому что сопротивляться ему невозможно. – Или, может быть, я неверно истолковал тот факт, что ты, работая на мою мать, продолжаешь что-то узнавать о моей семье? Какая же ты дрянь!

– Послушай...

– Нет, это ты послушай. – Его ноздри раздулись, а лицо исказилось отвращением. Стыд и сожаление душили Пейдж. – Ты бессердечная тварь, и мне кажется, что я ясно дал тебе это понять десять лет назад. Мне противно видеть твое лицо, я искренне надеялся, что мы уже никогда больше не встретимся.

Пейдж нечего было на это ответить или возразить. Все, чего ей хотелось в этот момент, – рухнуть на пол и свернуться калачиком прямо здесь, на терракотовом ковре. Но вдруг что-то в ней взбунтовалось, заставило выпрямить гордо спину и смело встретиться с его ужасным взглядом. Пейдж своенравно вздернула подбородок, несмотря на осуждение и презрение Джанкарло.

– Я люблю ее.

Эхо этой фразы повисло в воздухе, накалив атмосферу до предела. И слишком поздно до Пейдж дошли воспоминания о том, что она сказала ему во время их последнего разговора: «Прости меня, Джанкарло. Я люблю тебя».

– Что? – Его голос стал тихим и мягким. У Пейдж внутри все задрожало от резкой смены тона и его обманчивого спокойствия. Но она выпрямила плечи. – Что ты только что посмела сказать мне?

– Ты здесь совершенно ни при чем, я действительно искренне люблю Вайлет. – Пейдж говорила правду, ей удалось смириться с тем фактом, что она потеряла его навсегда и не пыталась никак снова вернуть его с помощью коварных планов. Ей всего лишь хотелось загладить свою вину.

Джанкарло покачал головой и пробормотал что-то неразборчиво на итальянском.

– Это какой-то кошмар. – Его взгляд стал еще более жестким и яростным. – Но кошмары заканчиваются рано или поздно. А ты по-прежнему отравляешь мне жизнь. Надо было думать головой, прежде чем доверять такой женщине, как ты. Но я хочу все это оставить в прошлом. Почему бы тебе просто не исчезнуть, Никола?

– Пейдж. – Звук этого имени ранил ее словно нож по сердцу. Оно было для нее символом потери, напомидало о тех ужасных поступках, которые ей пришлось совершить. – Лучше уж называй меня бессердечной тварью, чем так.

– Мне все равно, как ты там себя называешь. Я хочу, чтобы ты ушла. Я хочу, чтобы ты держалась подальше от моей матери. Я с отвращением думаю о том, что ты пробыла возле нее так долго. Как затаившаяся злокачественная опухоль.

Ей придется уйти, она прекрасно понимала это. Все ее объяснения и логические доводы, какой в них смысл, если она причиняет ему боль одним своим присутствием? Ее мать тоже всегда сравнивала Пейдж с раком, который пускает метастазы по телу человека и убивает его.

– Прости меня. – Даже для извинения в голосе Пейдж было слишком много уныния. В его взгляде на долю секунды отразилась затаенная боль. – Я жалею обо всем, что произошло. Но я не могу бросить Вайлет. Я обещала ей.

Это признание стало последней каплей. Его взгляд метал гром и молнии. Пейдж призвала на помощь все свое мужество, чтобы не оробеть и не сделать шаг назад, когда Джанкарло приблизился к ней. Или чтобы не броситься прочь из дома в сад и побежать напрямик к дикому каньону. Куда угодно, лишь бы подальше от этого человека. Это желание неистово пульсировало в ее крови.

– Тебе, наверное, кажется, что я шучу, – проворковал Джанкарло мягко и нежно. Но вместо испуга Пейдж охватил возбужденный трепет. – Так вот, ты ошибаешься.

– Я понимаю, как неприятно тебе видеть меня здесь и то, что ты не веришь в искренность моих намерений, – примирительным тоном сказала Пейдж. Но на самом деле этот тон больше напоминал речь человека, находящегося на грани нервного срыва, охваченного паническим страхом. – Боюсь, что мне придется остаться преданной твоей матери.

– Извини, – перебил ее бесцеремонно Джанкарло. – Но твоя ирония ошеломляет меня. Ты, именно ты, сейчас говоришь мне о преданности?

Пейдж ухмыльнулась и не отвела взгляд.

– Не ты нанял меня на работу, а она.

– Этот факт не будет иметь никакого значения, если я убью тебя собственными руками, – прошипел он. И Пейдж действительно стоило бояться Джанкарло, но теперь она почему-то была уверена, что он не сможет причинить ей физический вред. Только не он.

Возможно, это убеждение – отголосок прошлого. Раньше она верила, что настоящая и чистая любовь способна справиться с любыми трудностями, и только это чувство имело для нее значение много лет назад. Но ее иллюзии очень скоро разрушились.

– Да, – сказала Пейдж, стараясь выглядеть спокойной. – Но ты ничего мне не сделаешь.

– Пожалуйста, – раздался мужской шепот. В его тяжелом, мрачном взгляде читались злоба и насмешка. – Только не говори мне, что тебе кажется, будто бы я не уничтожил тебя, если бы мог.

– Конечно, ты прав. Но ты действительно не можешь этого сделать, потому что ты вовсе не так жесток.

– Мужчина, которого ты знала, мертв, Никола. – Снова это ненавистное имя. Умышленная словесная пощечина заставила Пейдж отшатнуться и все-таки сделать шаг назад. – Он умер десять лет назад, и его не вернуть к жизни твоими сентиментальными баснями о преданности. Воскрешение невозможно. Все, что у нас осталось общего с ним, – это внешность. Поэтому заруби себе на носу – его больше не существует.

Пейдж стало нестерпимо грустно. Она не понимала, почему безграничная и безысходная печаль снова овладела ей, разбередив старые раны, которые так и не затянулись даже спустя столько лет? Разъедающая душу горечь лишь затаилась на время, выжидая своего часа, чтобы снова отравить ее.

– Я полностью беру на себя и ответственность и вину за то, что случилось тогда, – произнесла Пейдж самым бесстрастным тоном, на который только была способна в эту минуту, несмотря на свою незащитность и уязвимость. За те два месяца, которые они провели вместе, она растворилась в Джанкарло без остатка, и этот роман стал лучшим периодом в ее жизни. – Но у меня нет выбора. Я обещала Вайлет, что не оставлю ее. Наказывай меня, если хочешь, но не ее.

Джанкарло Алесси практически целиком и полностью состоял из недостатков. Но все же он любил свою эксцентричную претенциозную мать, которая, несомненно, обожала единственного сына, но по-своему, и выражала это порой в странной форме. Вайлет часто позволяла себе использовать его в личных целях: чтобы отвлечь внимание мировых таблоидов от разваливающегося брака, пресечь нелюбезные слухи или просто ради продвижения карьеры.

Со временем Джанкарло смирился с тем, что родство с голливудской звездой такой величины подразумевает публичный образ жизни под вспышки фотоаппаратов. Именно поэтому он пообещал себе, что ни за что не позволит ей использовать его будущих детей. Никаких снимков с веселыми внуками, сопровождающих газетные статьи, никаких младенцев, с которыми она нежно нянчится перед объективами камер. Никогда его наследники не станут жертвами этого фарса. Он передал свой титул дальнему кузену по отцовской линии.

Джанкарло давно простил свою мать за все. Он хотел причинить боль этой женщине, а не Вайлет. Пейдж могла называть себя как угодно, но для него она всегда останется Николой, виновницей его гибели. Прекрасная танцовщица, из-за которой он лишился рассудка, опозорив свой титул и испортив отношения с теперь уже покойным отцом. Коварное, подлое существо, которое вскружило ему голову, превратив в жалкую марионетку. Из-за нее Джанкарло вынужден был выставить свою личную жизнь напоказ.

Возможно, когда-нибудь он простит себя, но Пейдж – никогда.

Стоя лицом к лицу с той, кого Джанкарло поклялся стереть из своей памяти навсегда, он убеждал самого себя, что испытывает к ней лишь непримиримую ненависть. Ведь ничего другого она и не заслуживала.

Нельзя позволить, чтобы это опасное ощущение опьянения, вызванное ее присутствием, завладело им полностью и снова разрушило его. Больше никому и никогда не удастся обвести его вокруг пальца.

Джанкарло навсегда сохранит неприязнь к иссушенному солнцем Лос-Анджелесу. К пыльно-золотистой Калифорнии с ее искусственно созданными зелеными массивами, служившими единственным спасением во время очередного душного лета. К своей безрассудной молодости, потраченной на глупые игры в плейбоя. К сухой неослабевающей жаре, приправ-

ленной запахом дыма от костров вдалеке и бриза Тихого океана, которая вызывала в нем беспокойство и раздражение. К безрассудству его матери в выборе любовников, мужей и личных помощников. Этой ее черте характера несказанно радовались журналисты-хищники. И лишь однажды сын последовал ее примеру. Лишь однажды. Но этого оказалось достаточно.

Джанкарло внимательно изучал стоящую перед ним Николу – Пейдж, которая смотрела на него почти не мигая своими то ли зелеными, то ли голубыми глазами. Копна ее длинных темных волос с отчетливым рыжим оттенком была заплетена косу, ниспадавшую на одно плечо. Раньше ее волосы горели ярким огнем, и ему хотелось, чтобы этот новый темный оттенок казался ему непривлекательным. Она была высокой, но стала тоньше, как и все жительницы этого города. Будто отказ от еды мог магическим образом принести им славу, к которой они все так стремились. Даже любовь – он знал это теперь наверняка – не входила в список их грез.

«Не смей даже думать об этом слове», – выругал себя мысленно Джанкарло.

Пейдж застыла под его пристальным взглядом, блуждавшим по ее телу. Он продолжал рассматривать ее молча, убеждая себя, что ему наплевать на чувства и мысли этой женщины. Ей удалось не только разбить его сердце, но и разрушить его веру в то, что он способен отличить искренность от фальши и уберечь себя от алчных аферистов. Она полностью изменила его восприятие самого себя как личности.

И все равно Пейдж сейчас держалась достойно, что сильно его раздражало. Она по-прежнему обладала грациозностью танцовщицы и гибким станом. Его взгляд скользнул к ее небольшой высокой груди, скрытой под белой блузкой без рукавов, затем к узкой юбке, которая обтягивала ее бедра. Его руки все еще помнили их соблазнительную округлость. Когда-то идеальные изгибы ее тела, которые излучали опьяняющую женственность, извивались под его ладонями. Ее оголенные ноги, как и прежде, отличались стройностью, и Джанкарло не мог отделаться от воспоминаний о том, как они крепко обхватывали его бедра или покоились на его плечах, пока он входил в нее все глубже с каждым новым толчком.

«Прекрати, – приказал ему внутренний голос, – или ты снова опозоришься».

Правильные черты лица Пейдж все так же светились особенной красотой. Она всегда отличалась от всех девушек, которые толпами бегали за ним. Его привлек в ней огонек, когда их взгляды впервые пересеклись на съемках музыкального видеоклипа. Пейдж работала на подтанцовках и была одета в коротенькие облегающие шортики и спортивный бюстгальтер, а Джанкарло строил из себя надменного режиссера, внимания которого добивались многие певицы. Но, несмотря на это, одного взгляда оказалось достаточно, чтобы по уши влюбиться в нее.

В Пейдж до сих пор чувствовалось это затаенное пламя, хотя ее волосы потемнели и она теперь носила строгую элегантную одежду, которая скрывала ее плоский живот и упругие бедра. Так одеваются ответственные и успешно работающие секретари, к числу которых она и принадлежала, если верить словам его матери. Джанкарло старался не думать о ее мотивах и намерениях. Почему его бывшая любовница так долго играет в эту игру, притворяясь преданным помощником, и при этом стремится изо всех сил преуспеть в этой должности? И почему он не может спокойно смотреть на нее, не ощутив при этом, как пламя безудержной страсти снова разгорается в нем?

– Сейчас ты начнешь рассказывать мне свою душеспасительную историю? – спросил Джанкарло ледяным тоном. Его забавляло то, как Пейдж отреагировала на его холодность, едва заметно вздрогнув. – В подобных ситуациях всегда найдется такая, не так ли? Миллион причин и оправданий.

– Я не пытаюсь разжалобить тебя. – Ее прекрасное лицо со скулами, созданными для того, чтобы мужские ладони касались их, и чувственным ртом, который призывал к поцелуям, было непроницаемым. – Я и не оправдываюсь, а извиняюсь. Это разные вещи.

– Пожалуй. – Его взгляд остановился на ее губах. Эти чертовски соблазнительные губы! Он все еще помнил их обжигающий вкус и то дикое сумасшествие, которое порождало каждое движение ее языка на его теле. – Но ничего, я найду на тебя управу.

Пейдж нетерпеливо вздохнула, а он не знал, чего ему хочется больше: рассмеяться или задушить ее. Точно так же было и тогда. Она разрушила его жизнь, как ураган, который вырвал с корнем деревья и испещрил землю воронками, оставив после себя руины.

И все же Пейдж так прекрасна! Это злило Джанкарло больше всего.

– Я не заплачу, сколько бы ты не испепелял меня своим гневным взглядом, – сказала Пейдж, прищурившись. Джанкарло так хотел вывести ее из этого состояния холодного спокойствия. Она ведь не только использовала его. На этот раз эта хищница принялась за его мать, в ней нет ничего человеческого. – Это только вносит неловкость в сложившуюся ситуацию. – Пейдж склонила голову. – Но если тебе так легче, то продолжай.

Реакцией на ее слова стал лишь смех. Резкий, лишенный радости звук.

– Я просто не могу налюбоваться тобой, – с желчью ответил Джанкарло, но Пейдж и бровью не повела. – Магия Голливуда приходит тебе на выручку. Гнусная и алчная душа в прелестной упаковке. Твоя красота по-прежнему с тобой. – Он мягко засмеялся, надеясь, что это причинит ей боль. – И это все, что у тебя есть, не так ли?

Глава 2

Джанкарло казалось тогда, что он безумно влюблен в нее. Именно это он не мог простить ей, а тем более забыть, особенно сейчас, когда она стояла перед ним снова. Скандал разрушил его перспективную карьеру в киноиндустрии, бросил тень на доброе имя его отца, заставил его сомневаться в том, кто он и что он, и покинуть этот проклятый город через несколько дней после того, как эти грязные снимки разлетелись по всему миру. Это был настоящий кошмар, который остановил глубокие шрамы на его душе. Но как бы Джанкарло ни сожалел об этом, ему пришлось признать, что эта история стара как мир: избалованный беспечный юноша потерял голову из-за красивой девушки.

Практически так же произошло и у его родителей.

Его кровь закипала от злости при воспоминании о том, что он – тот, кто испытывал отвращение к институту брака, тот, кто дал себе зарок никогда не жениться из-за того, свидетелем чего ему пришлось стать в его собственной семье, – настолько поверил ей тогда, что хотел взять ее в жены, сделать графиней, отвезти в семейный замок в Италии. И пока Джанкарло мечтал о свадьбе, она договаривалась о сумме денежного вознаграждения за его публичный позор. Одна только мысль об этом приводила его в бешенство.

Она снова слегка опустила голову, будто вовсе не противилась принять всю вину, которую он возложил на нее. Джанкарло не мог понять, почему это злит его еще больше.

– Тебе нечего сказать? – допытывался ее визави. – Не поверю в это. Ты, наверное, растеряла свое мастерство наглой лгуни, Никола. – Он заметил, что она нервно стиснула зубы. – Ах, прости. Пейдж. Называй себя как хочешь. Очевидно, ты провела слишком много времени со старой одинокой женщиной, если это все, на что ты способна.

– Твоя мать действительно одинока, – согласилась Пейдж, и ее лицо залилось краской. – Я не планировала, что это так долго продлится. Я предполагала, что ты появишься здесь через месяц и конечно же узнаешь меня. Но с тех пор прошло три года.

Ему понадобилось несколько мгновений, прежде чем он осознал, какое чувство захлестнуло его. Стыд. Жгучий и мучительный.

– Скорее свиньи начнут летать, чем я буду что-то тебе объяснять, – огрызнулся Джанкарло. Прошло столько времени, а он вечно был чем-то занят, пытаюсь отвлечь себя, и подолгу не виделся с Вайлет, которую это, естественно, ранило. Возможно, слова этой женщины близки к истине, и сын не уделял должного внимания матери, но это не ее дело.

– Я не просила тебя что-то объяснять. – Девушка пожала хрупкими плечами. – Просто это правда.

– О, прошу! – с сарказмом прорычал Джанкарло, потирая щеку ладонью, чтобы чем-то занять руку, а не пустить ее вход. Ее присутствие превращало его в разъяренное животное. Десять лет назад он считал, что это был признак страсти. Теперь не оставалось никаких сомнений – это сущее страшное безумие. – Не произноси слов, значение которых тебе неизвестно. Это делает тебя еще большей фальшивкой.

Пейдж лишь моргнула, распрямила плечи и гордо вздернула опущенную голову.

– Есть ли у меня время, чтобы изучить список разрешенных к употреблению слов, прежде чем ты размажешь меня по стенке и вывернешь на улицу?

Легкий бриз играл в ее темных с золотистыми переливами волосах, солнечные лучи лениво блуждали по душистой виноградной лозе, обвивающей тент, расположенный у входа в особняк. И вдруг Джанкарло с отчетливой мучительной ясностью понял, что на горизонте вырисовывалась возможность, которую нельзя упускать. Эта женщина, словно темная злоеющая тень, омрачала его жизнь. Пришло время положить этому конец.

Она никогда не была той, за кого себя выдавала. Потому что та женщина, которую он любил, была его родственной душой и ему хватило лишь одного взгляда на нее, чтобы это почувствовать.

«Но оказалось, что это всего лишь театральное представление», – прошептал строгий голос в его сознании. И теперь начинался второй акт.

– Знает ли моя мать о том, что ты блистала в одной из главных ролей в той пикантной фотосессии, из-за которой разразился скандал? – спросил Джанкарло беззаботно, сунув руки в карманы, и заметил, как сильно она побледнела, а ее губы начали дрожать.

– Конечно нет, – прошептала Пейдж.

Он не понимал, почему ей так важно сохранить благосклонность Вайлет. Не все ли ей равно? Но именно так ей удавалось вести свою игру. У нее всегда чертовски хорошо получалось притворяться, будто кто-то ей не безразличен. Снова притворство. Но в этот раз ей его не провести.

– Тогда пора бы ей узнать. – Джанкарло произнес это нарочито тихо и спокойно. Потому что потрясение от встречи с ней миновало. Пробил заветный час. Спустя столько лет он наконец отведал блюдо под названием мести, поданное, как полагается, холодным. – Мне, конечно, очень бы не хотелось огорчать мать правдой о ее любимой помощнице. Я уверен, что ей это придется не по душе.

– Да, она огорчится! – воскликнула Пейдж. – А еще это разобьет ей сердце. Если ты этого добиваешься, то твой план обречен на успех.

Джанкарло точно знал, чего добивался: заставить ее поплатиться за содеянное. Это был всего лишь тонкий трюк, чтобы достигнуть цели.

– Ах, так я главный злодей в этой сказке? – Он снова рассмеялся, но на этот раз его действительно забавляла ее растерянность от столь неожиданного поворота событий. – Ты, по видимому, совсем рехнулась.

– Джанкарло...

– Ты бросишь работу по собственному желанию. Сегодня. Сейчас.

Ее руки, сжатые в кулаки, взметнулись немного вверх, но тут же снова бессильно повисли по бокам ее стройного тела. Он отметил про себя, что этот жест выглядел достойным театральных подмостков.

– Я не могу этого сделать.

– Тебе придется. – Джанкарло теперь искренне наслаждался происходящим. – Это не обсуждается, Пейдж.

На ее милом личике отразилась тень достоверного расстройства и тревоги.

– Я не могу.

– Потому что ты еще не успела тайком переписать ее завещание в свою пользу? Или хочешь заменить все произведения искусства в особняке на подделки? Мне показалось, что картина Рембранта в холле выглядит как-то не так, но я подумал, что дело в освещении.

– Потому что какого бы ты ни был обо мне мнения, а я прекрасно знаю, что именно ты думаешь обо мне, – лихорадочно затараторила она, – я очень привязалась к ней. И пусть это не прозвучит как упрек тебе, но я все, что у нее есть. Ты не навещал ее в течение нескольких лет. Стоит ей выйти за порог дома, как ее окружают лицемерные приспешники. Я единственная, кому она может доверять.

– И снова убийственная ирония. – Он пожал плечами. – Не трать попусту свое время на уговоры. Ты должна поблагодарить меня за то, что разрешил уйти тебе по собственному желанию. Будь я менее снисходителен, ты бы уже сидела в полицейском отделении.

– Не пытайся запугать меня своим блефом, – тихо произнесла Пейдж. – Сомневаюсь, что ты хочешь скандала.

– Это ты не пытайся запугать меня, – парировал Джанкарло. – Ты думаешь, я не пытался найти женщину, которая разрушила мою жизнь? Без надежды надеюсь, что она окажется за решеткой, там, где ей и место? – На его губах заиграла полуулыбка при виде того, как она напряглась. – Никола Филдинг исчезла с лица земли после того, как те фотографии увидел весь мир. Это подсказывает мне, что ты, так же как и я, не заинтересована в том, чтобы эта грязная история выплыла наружу. – Его бровь надменно изогнулась в дугу. – Шах и мат, милая. На твоём месте я бы начал собирать вещи.

Пейдж испустила долгий вздох, ознаменовавший её поражение. То, что его это тронуло, не на шутку разозлило Джанкарло. Будто это могло стать преградой для его намерений, будто настоящее подменялось на прошлое.

– Я искренне люблю Вайлет. – Её взгляд выражал смиренную мольбу. Но он не поддавался на эту провокацию, ведь капкан, расставленный для неё, наконец захлопнулся. – Признаюсь, поначалу эта работа была всего лишь глупой попыткой найти тебя после твоего исчезновения. Но теперь все изменилось. Я не хочу причинять ей боль. Прошу тебя. Должен же быть какой-то другой выход.

Джанкарло упивался этим моментом. Необузданный гнев ослабил свою хватку, и теперь им руководил холодный расчет.

– Джанкарло, – обратилась она к нему так же, как в то солнечное кошмарное утро десять лет назад, когда ему открылась вся правда о ней. Когда он появился на пороге её квартиры и между ними состоялся короткий и ужасный разговор, прежде чем он покинул Лос-Анджелес вместе с его интригами и кознями. Пять минут, которые окончили целую главу его жизни и разрушили все его мечты. – Пожалуйста.

В мгновение ока мужчина сократил между ними расстояние одним решительным шагом и схватился за конец её косы. Её волосы заиграли золотом на свету. Пейдж ахнула от неожиданности, и он захотел её во сто крат сильнее, чем прежде.

Пришло время доставить себе удовольствие. Рыбка вот-вот попадет на крючок.

– О да, можно что-нибудь придумать, – пробормотал он, вдыхая аромат её кожи. Настал его час. Час его триумфа. – Есть ещё один вариант. Но тебе придется лечь под меня.

Она замерла на несколько долгих секунд.

– Что ты сказал?

– Ты слышала меня.

Её изменчивого цвета глаза стали голубыми от волнения. «Какая прекрасная актриса», – пронеслось у него в голове. Он потянул за косу сильнее и наблюдал, как менялось выражение её лица, пока до неё доходил смысл его слов.

На этот раз Джанкарло выигрывает эту игру, потому что она не могла сопротивляться этому животному притяжению между ними.

– Я хочу убедиться, что правильно тебя поняла. – Пейдж нервно сглотнула. – Ты хочешь, чтобы я переспала с тобой и тогда я смогу остаться здесь?

Он улыбнулся, и от этой улыбки у неё по всему телу побежали мурашки.

– Именно. Но не один раз, а часто и с полной самоотдачей. Где и когда я хочу.

– Ты шутишь.

– Нисколько. Я предельно серьезен.

Её губы задрожали, и Джанкарло не мог не восхититься тем, как естественно это выглядело. Но от его взора не скрылось и то, как теперь её твердые, изнывающие от желания соски упирались в шелк её блузки. Она была так же беспомощна против химии их тел, как и он.

– Послушай... – Пейдж так и не договорила. Недосказанные слова растворились в послеполуденном зное. Её глаза заблестели от затаенного вожделения. Невероятно правдоподобно.

Но Джанкарло больше никогда и ни за что не поверит ей. Сколько бы слез ни пролилось из ее глаз, как бы картинно ни подрагивали ее губы. Это просто Голливуд. Больше у нее не получится застать его врасплох.

– Время на раздумья истекает, – раздалось предупреждение. – У тебя два выбора. Уходи сейчас, но знай, что я расскажу моей матери всю правду о тебе. Это, скорее всего, разобьет ей сердце, но в этом будешь виновата ты, а не я. Я не удивлюсь, если она сама заставит тебя поплатиться за твой обман. Вайлет стала тем, кем стала, не благодаря счастливой случайности. Жизнь научила ее быть жесткой и даже жестокой.

– Я знаю это. – Ее глаза все еще лихорадочно блестели. – А какой второй выбор?

– Оставайся. И делай все, что я тебе говорю.

– В сексуальном плане, – отважилась Пейдж бросить ему, смотря на него не мигая. – Ты имеешь в виду подчиняться тебе в плане секса.

Джанкарло ухмыльнулся. Если она думает, что ее прямота заставит его устыдиться своего предложения, то эта женщина явно поглупела за то время, что они не виделись.

– Я имею в виду, ты будешь делать то, что я тебе говорю. И все. И точка. – Его пальцы очертили утонченную линию ее подбородка. Электрический заряд прошелся по всему его телу от этого прикосновения. – Ты будешь работать, Пейдж. На меня и на мне. Где, когда и как я захочу.

Она задрожала, он возликовал.

– Почему? – послышался слабый шепот в ответ. – Это ведь я, ты не забыл? Почему ты хочешь?..

Ей снова не удалось договорить, и он наслаждался ее беспомощностью в эту минуту. Ее броня трещала по швам. Джанкарло наклонился к ней и легонько провел губами по ее рту.

Все такой же обжигающий вкус.

Давно потухший огонь снова заискрился. Из ее груди вырвался негромкий стон, в котором сплелись страдание, стыд, злость и дикое желание.

Лишь она могла пробудить в нем это жгучее, неистовое возбуждение. Ненасытный голод. Прекрасная ложь, которая на этот раз не погубит его. Весь свой гнев Джанкарло выплеснет на это восхитительное тело, которое она использовала как оружие, поработив его. Он заставит ее заплатить высокую цену за предательство таким способом, каким требовала его плоть, и только тогда обретет долгожданную свободу. Они пробыли вместе лишь два месяца. Пламя страсти угастро бы рано или поздно, просто у него не хватило времени удостовериться в этом тогда. Если – когда – он насытится ею сполна, это безумие пройдет. По крайней мере, мужчина на это надеялся.

– Я вижу тебя насквозь. – Его голос снова звучал мрачно. – Тебе давно пора ответить за то, что ты сделала, и поверь, я помню все до мельчайших подробностей.

– Ты пожалеешь об этом, – пытался противиться тонкий голос.

– Я прожил столько лет, сожалея о том, что повстречал тебя! – прорычал он. – Еще немного времени, проведенного с тобой, уж никак не убьет меня.

Он наклонился к ней, и его взбудоражил соблазнительный аромат, исходивший от нее. Теперь все будет по-другому. Теперь Джанкарло знает, с кем имеет дело. Не будет никаких романтических иллюзий и замков на песке. Никакой свадьбы и счастливой жизни вместе в Тоскане, затерянной среди золотистых полей. Только суровое наказание.

– Это просто невыносимо. – В ее голосе зазвенели нотки отчаяния или ему показалось? – Ты же ненавидишь меня!

– Ненависть здесь ни при чем. – Его улыбка стала еще более злобной. – Давай говорить начистоту. Это – месть.

Пейдж боялась, что он прыгнет на нее после ее согласия.

Да, она согласилась, потому что иного выбора не было. Ведь Вайлет Сазерлин почти заменила ей мать. Как можно предать и бросить того, кто стал для тебя настоящей семьей?

Но Джанкарло всего лишь улынулся своей сбивающей с толку улыбкой, от которой по ее телу побежали мурашки. Затем он отпустил ее косу, развернулся и молча зашагал прочь, оставив одну. Одну на несколько долгих дней и невыносимых ночей. Точнее, на три.

Пейдж пришлось делать вид, что ничего не произошло, выполняя свои обычные обязанности, которые в основном сводились к исполнению капризов Вайлет, и притворяться, будто она рада так же, как и пожилая женщина, приезду ее единственного сына. Ей еле удавалось сохранять внешнее самообладание. Из последних сил она старалась ничем не выдать себя, когда оказывалась с Джанкарло в одной комнате. При виде него ей нестерпимо хотелось кричать от негодования. Но он почти не обращал на нее внимания, пока слонялся праздно по дому, плавал в бассейне и вел оживленные беседы с матерью.

Каждую ночь Пейдж запиралась в маленьком коттедже у подножия каньона – своем доме на территории усадьбы Вайлет – и изводила себя до рассвета.

Казалось, ее сознание запечатлело с мучительной точностью камеры каждое мгновение, проведенное с Джанкарло, и безостановочно проигрывало сцену за сценой. Каждое прикосновение. Каждый поцелуй. Каждое движение его мощных бедер, от которых она вскрикивала, утопая в наслаждении. Этот сводящий ее с ума звук, который он издавал каждый раз, когда взрывался оргазмом внутри ее. Каждая клеточка ее тела принадлежала ему.

На четвертый день Пейдж балансировала на грани нервного срыва.

– Хорошо спала? – спросил он с издевкой и изогнул вопросительно темную бровь, встретившись с ней утром на ступеньках, ведущих в особняк. Вайлет по обыкновению завтракала в своей спальне, и после этого ей не терпелось обсудить со своей помощницей список поручений личного характера на день грядущий.

Джанкарло стоял на крыльце, вовсе не загораживая ей проход, но ей казалось, что не удастся проскользнуть мимо него. Если бы она не ушла с головой в свой мир воспоминаний и сожалений, то заметила бы его раньше и зашла в дом с черного входа, чтобы избежать этой встречи.

«Так ли это на самом деле?» – поинтересовался предательский внутренний голос.

Умная женщина покинула бы Лос-Анджелес давным-давно и никогда бы не возвратилась в город, где испытала столько страданий и боли. Умная женщина уж точно бы не стала работать на мать своего бывшего любовника. И конечно, не заключила сделку с дьяволом. Поэтому Пейдж была уверена, что окончательно лишилась здравого смысла.

– Спала как младенец, – солгала она.

– В прямом смысле слова? Просыпалась каждые два часа и плакала навзрыд?

Женщина ухмыльнулась. Он конечно же излучал здоровье и раздражающую мужскую энергию. На нем были спортивная футболка и шорты для бега. По всей видимости, он только что вернулся с пробежки. Немудрено, что его тело выглядело таким подтянутым и крепким, без грамма лишнего жира. Как же сильно ей хотелось ненавидеть его!

– Я в жизни лучше не спала.

После этих слов она невольно приблизилась к нему, словно он – магнит, и ей не под силу сопротивляться притяжению. С самого первого дня их знакомства они оба чувствовали это необъяснимое влечение. И спустя столько лет их по-прежнему тянуло друг к другу, несмотря ни на что.

Десять лет назад Пейдж расценивала это как знак того, что им суждено быть вместе. Жизнь безжалостно разрушила эту иллюзию, но безотчетная тяга от этого не исчезла.

Она легонько вздрогнула, когда Джанкарло провел тонким пальцем под ее глазом. У нее закружилась голова от мягкости этого прикосновения, которая резко контрастировала с жестким выражением его лица, с яростными искрами в его взгляде.

Сделав пару прерывистых вдохов, Пейдж только потом поняла, что он просто обвел темную тень под ее глазом. Не проявление нежности, а насмешка и обвинение.

– Лгунья. – Это слово не первый раз слетало с его губ, но каждый раз оно глубоко ее ранило. – Хотя что еще от тебя ожидать.

«Прикуси язык», – приказала она себе, пытаясь придумать достойный ответ. Пусть Пейдж уже второй раз сознательно наступает на те же грабли, но это вовсе не значит, что надо усугублять ситуацию. Вместо слов она одарила его презрительным взглядом, и одна сторона его четко очерченного рта поползла вверх. Будь они другими людьми, то можно было назвать это восхищением.

Но это – Джанкарло. Мужчина, который ее презирает.

– Будь готова к восьми вечера, – распорядился он.

– О, у меня остается еще куча времени, чтобы грешить. – Обет молчания долго не продлился. – Быть готовой к чему?

Джанкарло сделал шаг навстречу ей, заполнив ее личное пространство широкими плечами, накачанным торсом, пугающей силой, теплом своего тела. Напоминая ей, каким искусственным и искусным любовником он мог быть. Единственным мужчиной, который знал, как довести ее до исступления. Стоило ему взглянуть на нее, и все остальное переставало существовать.

И Джанкарло все еще помнил это. Пейдж поняла это по лихорадочному блеску его глаз и по тому, как ее тело горело от языков пламени, которое зарождалось в ее лоне.

У нее перехватило дыхание, когда на миг ей почудилось, будто перед ней стоял тот мужчина из прошлого, каким она его помнила. Но этот мираж рассеялся уже через секунду.

– Надень что-нибудь, подо что можно будет запустить руки, – сказал он, и его чувственные губы скривились в презрительной жестокой ухмылке, от которой ей захотелось разрыдаться от досады и чего-то еще. У нее закружилась голова от этого неизъяснимого ощущения. Пейдж скорее умерла бы, чем призналась себе самой, что имя ему было вожеление.

Затем Джанкарло ушел, оставив ее наедине с противоречивыми чувствами под утренним палящим солнцем Калифорнии.

– Мне кажется, он очень одинок, – сказала Вайлет.

Они сидели в любимой комнате легенды киноэкрана, залитой солнечными лучами, проникавшими через застекленную дверь, выходящую на террасу. Здесь повсюду стояли книжные полки и многочисленные награды актрисы.

Вайлет откинулась на шезлонг, который довольно странно смотрелся в кабинете. «Но какая выгода в статусе международной кинозвезды, если ты не можешь вести свои дела, лежа на шезлонге?» – острела она часто, объясняя присутствие этого предмета мебели во время какого-нибудь интервью. В такие моменты ее взор устремлялся на город, простиравшийся вдалеке под вечно голубым небом Калифорнии, и она, несомненно, знала, как красиво ложится свет на ее лицо под таким углом. Ее прекрасные светлые волосы были зачесаны назад, и на ней красовался ее излюбленный домашний наряд: кремовые джинсы и изумрудная блузка, которая подчеркивала ее выразительные глаза.

Звезда в своей естественной среде обитания.

Сидя в дальнем углу комнаты за изящным секретером с открытым ноутбуком и разложенными в ряд мобильными телефонами Вайлет, которые беспрестанно звонили, Пейдж нахмурилась и назвала имя известного режиссера, которого они обсуждали.

– Вы думаете, он страдает от одиночества? – удивленно переспросила она.

Пожилая женщина рассмеялась глубоким грудным смехом, который вот уже много десятилетий являлся ее фирменным знаком, приводившим публику в восхищение с момента ее первого появления на экране в семидесятых.

– Без сомнения. Несмотря на бесчисленную шеренгу старлеток, одна другой моложе. Похоже, ему и невдомек, что на их фоне он выглядит еще старше. Но я имела в виду Джанкарло.

– Неужели? – отреагировала Пейдж невыразительным тоном, который подходит для обсуждения сына начальницы.

– В детстве он рос одиноким ребенком, – задумчиво произнесла Вайлет. – Это единственное, о чем я жалею. В наших отношениях с его отцом было столько безумия и надрыва, что мы часто не уделяли ему должного внимания.

Все, конечно, знали эту пресловутую историю: обреченный роман, полный бурных расставаний и непродолжительных примирений. Иногда они жили отдельно в течение нескольких лет, и ходили упорные слухи о том, что у каждого связь на стороне, но до развода так дело и не дошло.

– Он не выглядит уж очень одиноким, – ответила наконец помощница актрисы, когда та направила на нее свой выжидающий взгляд. Пейдж сидела неподвижно на стуле, прекрасно понимая, что Вайлет лишь казалась самовлюбленной и заиклившей лишь на себе. Но на самом деле она превосходно умела читать людей по их мимике, жестам, языку тела. Ерзанье выдало бы ее. – Он представляется мне как человек, который привык все держать под жестким контролем.

– Согласна. – Губы пожилой дамы сложились в грустную улыбку. – Мне кажется, именно это и отдаляет его от людей.

Возможно, из-за этого разговора Пейдж решила нанести «боевой раскрас» перед встречей с ее сыном. Когда она доводила дело до конца, стоя перед зеркалом в маленьком холле своего коттеджа, раздался уверенный стук в дверь. Ровно восемь вечера.

Ей даже не пришлось спрашивать, кто это, – у нее засосало под ложечкой от настойчивости стука, и сомнений быть просто не могло.

Пейдж распахнула дверь, и перед ней стоял угрожающе большой, убийственно красивый и надменный аристократ. Такого мужчину трудно представить прогуливающимся по пляжу Малибу в рваных джинсах и без футболки, что было так характерно для Калифорнии. Он внушал страх своей гордой неприступностью.

Джанкарло тут же окинул ее взглядом с головы до ног. Волосы собраны в высокий хвост. На лице – яркий макияж. Он еле заметно улыбнулся, будто знал, о чем она думала, когда так сильно подводила глаза. Платье на ней крепко обтягивало грудь, а ниже струилось шелковыми волнами. Небрежная элегантность, уместная везде, куда бы они ни поехали.

– Очень хорошо, *saqa*. – В его голосе слышалась не похвала или одобрение, а удовлетворение. Уловив эти нотки, Пейдж внутренне содрогнулась, и ее пульс участился. – Значит, ты все-таки способна следовать указаниям, когда тебе это на руку.

– Все на это способны, – парировала она, хотя обещала себе не пререкаться с ним. Но однажды он сказал ей, что обычно называл так – *saqa* — тех, кто бросался ему на шею. «Лучше уж это, чем Никола», – пронеслось у нее в голове. – Мне приходится проходить тест на выживание.

– Я бы назвал это несколько иначе. Но к чему тратить время на это? – Линия его рта стала тверже. – Тебе пригодятся твои силы. Так что побереги их пока.

«Он просто испытывает меня на прочность, – пыталась успокоить себя Пейдж, переступая порог, – хочет узнать, дойду ли я до конца».

Этот вопрос волновал и ее саму. Повернувшись к нему спиной, она нарочито долго закрывала дверь, чтобы скрыться от его холодного оценивающего взгляда хотя бы на мгновение и взять себя в руки.

После этого Джанкарло положил ей руку на талию и повел к машине, и в этот момент их прошлое будто ожило посреди бархатной ночи, которая еще дышала зноем, но сулила скорый приход долгожданной прохлады.

Опасность и риск поджидали ее на каждом углу рядом с ним.

Он молча усадил ее в низкий спортивный автомобиль, а затем обошел капот и сел на водительское место. Пейдж все еще чувствовала его прикосновение на своем теле, словно клеймо.

Куда Джанкарло ее везет? В ресторан, чтобы публично унижить? Или в один из этих почасовых мотелей в сомнительном районе, куда обычно приводят шлюх, к которым он ее конечно же и причислял? Машина свернула на повороте, и они поехали по извилистой дороге на высокой скорости, пока наконец он резко не затормозил на краю обрыва. Там стояло старое деревянное ограждение, но это не успокоило Пейдж, охваченную паническим ужасом.

– Выходи, – прозвучал приказ.

– Я... Я не х-хочу, – дрожащим от страха голоса пролепетала она. Выражение лица Джанкарло по-прежнему оставалось угрюмым, но по блеску в его глазах стало понятно, как его забавляет ее испуганное состояние.

– Я не собираюсь столкнуть тебя с обрыва, хотя не стану отрицать, что эта идея кажется мне очень привлекательной. Но в этом случае ты умрешь почти мгновенно.

– Именно слово «почти» меня и беспокоит, – взволнованно произнесла Пейдж. – Оно сулит истошные крики и острые камни.

– Я хочу, чтобы твои страдания продлились намного дольше, Пейдж, – мягким голосом ответил он, делая ударение на ее имени, будто оно означало для него лишь еще одну гнусную ложь.

В глубине души женщина знала, что заслуживает этого. Она могла уйти десять лет назад или три дня назад, но не сделала этого. Тогда он бросил ей в лицо безапелляционные обвинения, ей в ответ нечего было сказать, кроме «Я люблю тебя». И все. Джанкарло исчез, вычеркнув ее из своей жизни. Что посеешь, то и пожнешь, не так ли?

Поэтому Пейдж покорно вышла из машины и последовала за ним к ограждению. Он не смотрел на нее. Его взор устремился к беспощадному хаосу огней города. Сумерки сгустились, но даже без света фонарей она заметила напряженное выражение его лица в отражавшемся блеске сумасшедшего города, простиравшегося внизу. У нее внутри все оборвалось от этого взгляда.

– Подойди сюда.

Ей не хотелось делать и этого, но ее обещание покоряться ему никто не отменял. Пейдж верила, что он больше всего мечтает унижить ее, а не причинить ей боль. По крайней мере физическую. Подойдя ближе, она содрогнулась от ужаса, когда сильная рука обхватила ее шею и крепко прижала к мускулистой груди. Вдруг их ослепил свет фар проезжавшей мимо машины.

Джанкарло провел пальцами по ее щеке, а затем мягко обвел ими вокруг ее рта.

От каждого прикосновения ее обдавало жаром. От него исходили все те же животные флюиды, которые помнило ее тело. Его торс был твердый как камень. Она почувствовала приятную тяжесть его рук на своих плечах, и позабытое пламя разгорелось в ней заново с неимоверной силой, будто он впервые прикоснулся к ней.

Приказание разомкнуть губы не прозвучало, но Пейдж все равно это сделала, и его большой палец оказался внутри влажного и теплого рта. Так порочно и странно. И в то же время невероятно сексуально. Его темные глаза живо заблестели, когда их взгляды наконец встретились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.